

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 8–18. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 8–18. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.0

EDN EOEOFM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18>

**ТЕМА УСАДЬБА И ЛЕС В ЛИТЕРАТУРЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА КОНЦА 1940-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.
(К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов)**

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Аннотация. В статье прослежено развитие темы *усадьба и лес* в литературе XVIII–XX вв.: если раньше лес воспринимался как дикость и угроза для человека, то в XX в. – как тоpos спасения и духовного обновления. Соответственно и усадьба больше не противопоставляется лесу как космос хаосу, но становится его органической частью. В советской литературе это также связано с возвратом к древнерусскому пониманию леса как рая, т. е. не тронутой человеком природы, что соотносится с традиционными райскими коннотациями усадьбы. В «Повести о лесах» (1948) К.Г. Паустовского лесная усадьба П.И. Чайковского – одновременно локус высокого творчества и средоточие духа народа и родной природы. Очищенная от барства в советскую эпоху, она становится апофеозом всего прекрасного на русской земле. Субститутом традиционной усадьбы также выступает лесной кордон, где деятельность на благо Отечества сочетается с творчеством и любовью. Напротив, в романе Л.М. Леонова «Русский лес» (1953) классическая барская усадьба отрицается как иностранное явление, враждебное русскому лесу и русскому народу. Советской усадьбой – трудовой, национальной, научной – становится Пашутинское лесничество, в образе которого совмещаются древнерусские коннотации леса как рая и интенции строящегося в стране коммунизма как рая на земле. Третья разновидность *усадебного тоposa* в романе – собирательный образ Лесохозяйственного института в Москве 1920–1930-х гг., частично восходящий к Тимирязевской сельскохозяйственной академии, расположенной в усадьбе XVII–XIX вв. Петровско-Разумовское. Итак, в литературе послевоенного соцреализма сохраняется архетипический статус русской усадьбы как идеального жизнеустройства и национального феномена.

Ключевые слова: русская усадьба, социалистический реализм, послевоенный период, К.Г. Паустовский, Л.М. Леонов, усадьба, лес, рай на земле.

Для цитирования: Богданова О.А. Тема *усадьба и лес* в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 8–18. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

**THE THEME OF THE “ESTATE AND FOREST” IN THE LITERATURE
OF SOCIALIST REALISM IN THE LATE 1940s AND EARLY 1950s
(K.G. PAUSTOVSKY AND L.M. LEONOV)**

Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Abstract. The article traces the development of the theme “estate and forest” in the literature of the 18th–20th centuries. If earlier the forest was perceived as wildness and a threat to humans, then in the 20th century – as a topos of salvation and spiritual renewal. Accordingly, the estate no longer opposes the forest as a cosmos to chaos, but becomes its organic part. In Soviet literature, this is also associated with a return to the ancient Russian understanding of the forest as paradise, so untouched by man nature, which correlates with the traditional paradisiacal connotations of the estate. In the “Tale of the Forests” (1948) by K.G. Paustovsky, the forest estate of P.I. Tchaikovsky is both the locus of high creativity and the focus of the spirit of the people and native nature. Purged of lordship in the Soviet era, it becomes the apotheosis of all that is beautiful on Russian land. The forest cordon also serves as a substitute for the traditional estate, where activity for the benefit of the Fatherland is combined with creativity and love. L.M. Leonov in the novel “Russian Forest” (1953), by contrast, denies the classic estate

house as a foreign phenomenon hostile to the Russian forest and the Russian people. The Soviet estate – labor, national, scientific – is becoming the Pashutinsky forestry, which combines the ancient Russian connotations of the forest as paradise and the intentions of communism being built in the country as paradise on earth. The third type of estate topos in the novel is the collective image of the Forestry Institute in Moscow in the 1920s and 1930s, partly dating back to the Timiryazev Agricultural Academy, located in the estate of the 17th–19th centuries Petrovsko-Razumovskoye. So, in the literature of post-war socialist realism, the archetypal status of the Russian estate as an ideal lifestyle and national phenomenon remains.

Keywords: Russian Estate, Socialist Realism, Post-war Period, K.G. Paustovsky, L.M. Leonov, estate, forest, Paradise on Earth.

For citation: Bogdanova O.A. The Theme *Estate and Forest* in the Literature of Socialist Realism of the Late 1940s – Early 1950s (K.G. Paustovsky and L.M. Leonov). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 8–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18>

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Открытие и изучение темы *усадьба и лес* – один из новых векторов работы по проекту Российского научного фонда «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», заявленный совсем недавно в статье О.А. Богдановой о романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018) [см.: Богданова 2024] и косвенно присутствующий в статьях Д.М. Борисовой, О.А. Богдановой, Е.Ю. Кнорре о произведениях К.Г. Паустовского и М.М. Пришвина [см.: Кнорре 2023а; Борисова 2024; Богданова 2025]. Как видим, тема рассмотрена в литературе XX–XXI вв., советского и постсоветского периодов. На деле она имеет более долгую историю.

Номинально тема *усадьба и лес* присутствовала в европейской литературе Нового времени еще в творчестве Ф. Шиллера («Разбойники», 1781), И.В. Гёте («Гец фон Берлихинген», 1774), А.С. Пушкина («Дубровский», 1833), Л.Н. Толстого («Война и мир», 1863–1869), А.Н. Островского («Лес», 1871), П.И. Мельникова-Печерского («В лесах», 1875) и др., однако новая, лишенная угрожающих коннотаций философско-мировоззренческая семантика была ей придана лишь в первой половине XX в., в основном в связи с революциями и двумя мировыми войнами, а также становлением массового общества. Ведь главную опасность для отдельного человека теперь уже начал представлять разросшийся, плохо управляемый, непредсказуемый социум, а природа, в том числе лес, все больше воспринималась в свете эскапизма, экзистенциальной подлинности и онтологической устойчивости.

Важность темы определяется также тем, что большинство усадеб центральной и северной России исторически находились внутри лесной природной зоны с умеренно континентальным климатом. И хотя значительная часть территории лесов Европейской России распахана, до сих пор, несмотря на многовековые вырубки, наша страна занимает первое место в мире по количеству хвойных, смешанных и широколиственных лесов, они охватывают около 70% ее площади [см.: Леса России: 206].

Глубинная, родственная связь усадьбы и леса впервые эксплицирована в пьесе А.П. Чехова «Дядя

Ваня» (1896). Так, доктор Астров, живущий в соседней с Войницкими усадьбе, говорит, что «...леса украшают землю, что они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства...» [Чехов: 72]. Одновременно чеховский лесовод сетует на истребление лесов в своем уезде, в результате чего исчезают лоси, лебеди, глухари, выселки, хуторки, скиты и, конечно же, «полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева» [Чехов: 110]. Такая участь весьма вероятна и для имения Войницких, владелец которого Серебряков готов продать его ради безответственно-комфортной жизни в столице.

В литературе 1920–1950-х гг. заданное направление в той или иной степени было продолжено М.М. Пришвиным («Кашеева цепь», 1927–1954; «Журавлиная родина», 1929; «Кладовая солнца», 1945), К.Г. Паустовским («Повесть о лесах», 1948), Л.М. Леоновым («Русский лес», 1953), Б.Л. Пастернаком («Доктор Живаго», 1945–1955) и др.

Так, воспитанник дореволюционной родительской усадьбы Хрущево-Левшино и счастливый владелец усадьбы-дачи Дунино в советские годы, Пришвин «показывает нам путь спасения, сам выбирая “уход в лес”, к живой природе, и возвращение с кладом, с утраченной людьми “весной света”». Его герои «открывают ”лес” как настоящую реальность» [Кнорре 2023b: 20] в противовес механистическому социуму, культивируемому массовым сознанием, торжествующим в мире в первой половине XX в.

Вспомним также, что усадебное творческое заточение Юрия Живаго в романе Пастернака сопровождалось натурфилософскими наблюдениями и открытиями героя: например, история рисуется ему «наподобие жизни растительного царства. Зимой под снегом оголенные прутья лиственного леса тощи

и жалки <...>. Весной <...> лес преобразуется, подымается до облаков, в его покрытых листьями дебрях можно затеряться, спрятаться. Это превращение достигается движением, <...> которого никогда нельзя подсмотреть. Лес не передвигается, мы <...> всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы <...> вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю» [Пастернак: 526–527].

Как видим, в XX в. тема *усадьба и лес* присутствует не только в литературе социалистического реализма, однако в данной статье мы сосредоточимся на двух произведениях, написанных в 1940–1950-е гг. именно в его русле, – «Повести о лесах» Паустовского и романе «Русский лес» Леонова, – предварив наше исследование кратким представлением основных принципов главного художественного направления советской культуры. Сегодня, на исходе первой четверти XXI в., отмечаются две основные тенденции в оценке соцреализма: советская (апологетическая) и антисоветская (советологическая), гораздо более распространенная. Оценочное восприятие обусловлено тесной связью этого феномена со всесильной в СССР коммунистической идеологией. Однако думается, что пришло время его непредвзятого исследования как определенной системы ценностей, с одной стороны, и литературного направления «широчайшего формально-стилистического диапазона» – с другой [см.: Круглов, Святославский: 156, 160]. Ведь «вне зависимости от интерпретации соцреализма нельзя отрицать тот факт, что с ним связаны имена М. Горького, А.Н. Толстого, Л.М. Леонова, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова и других писателей, без которых невозможно представить литературу XX в. Соцреализм – большой, сложный и неоднозначный период, который останется в истории навсегда» [Круглов, Святославский: 154].

Несмотря на то что институционально он был оформлен только в 1934 г. на I съезде советских писателей, к тому времени соцреализм уже имел довольно долгую практическую историю. Так, в творчестве А.М. Горького он проявился в своих основных чертах уже в романе/повести «Мать» (1906). В самом деле, наряду с традиционным для русского реализма XIX в. жизнеподобным изображением действительности, горьковское повествование о судьбах рабочего класса включило в себя, в соответствии со стремлением писателя «приподнять» читателя над рутинной¹, элементы революционного романтизма (пафос пересоздания реальности, контрастность на всех художественных уровнях – в системе образов, композиции, речевом стиле, эмоциональность повествования и обилие образительно-выразительных средств, образ главного героя как яркой, сильной личности, способной противопоставить себя уродливому миру) и клас-

сизма (как изображения должной жизни). Нельзя не согласиться с тезисом о том, что в «теоретическом аспекте социалистический реализм оказался во многом попыткой синтеза ряда особенностей, присущих реализму, романтизму и классицизму» [Богатырев, Святославский: 251]. Специфическими же чертами нового метода стали: *изображение действительности в ее революционном развитии* (т. е. опираясь на сформулированный К. Марксом и Ф. Энгельсом закон о последовательной смене общественно-экономических формаций на все более «прогрессивные» – от первобытно-общинной к рабовладельческой, затем феодальной, капиталистической и, наконец, коммунистической через переходный период социализма); *исторический оптимизм*, вытекающий из убежденности в том, что, несмотря на временное или локальное поражение «прогрессивных» сил, конечная победа все равно будет за ними, так как это вытекает из законов исторического развития, открытых Марксом и Энгельсом; *коммунистическая партийность* как осознанная форма *пролетарской классовости*; *революционный гуманизм* как поддержка всего, что способствует делу революции и отказ от всего, что ему вредит; *советский патриотизм* как любовь к социалистическому отечеству и противоположность прежнему национальному патриотизму; *осознанная воспитательная функция*, проявляющаяся как внутри произведения (рост индивидуального и массового сознания героев), так и вовне (направленность на переделку читательского сознания в свете коммунистического идеала) [см.: Терц 1988; Соцреалистический канон 2000; Ревякина 2002; Литовская 2008; и др.].

Однако на протяжении 70 лет своего существования в стране соцреализм претерпел заметную эволюцию. Ее главными вехами стали: 1) изменение культурно-политической концепции СССР в конце 1930-х гг., когда И.В. Сталин провозгласил переход от идеи мировой революции, доминировавшей в 1920-е гг., к теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране, т. е. «разворот от классово-революционной идеологической доминанты к национально-патриотической и уход от идеи мировой революции к практическому строительству новой империи в России» [Богатырев, Святославский: 267]; 2) дискуссия о соцреализме в конце 1950–1960-х гг., в результате которой произошло существенное расширение его рамок и в конечном счете их качественное размытие. Остановимся подробнее на первой из обозначенных вех, определившей ряд черт соцреализма послевоенной формации, к которому относятся оба анализируемых нами произведения.

Главные изменения коснулись представления о *народности* и семантики *патриотизма*. Так, между 1932 и 1936 г. произошел «переход <...> от понятия “пролетариат” к понятию “социалистический

народ”», который понимался «в мифологическом смысле» [Гюнтер 2000а: 45]. «В переходе от классовой к народной программатике выражается <...> желание “укорениться” в родной почве» «по <...> линии эмоциональности, традиционности и мифологичности» [Гюнтер 2000b: 377, 387]. Одновременно понятия о *пролетарской классовости* и *партийности* плавно трансформировались в более широкую *коммунистическую идейность* [см.: Богатырев, Святославский: 262–263].

Что касается *патриотизма*, то, во многом оставаясь социалистическим и интернациональным, в годы Великой Отечественной войны он приобрел неотъемлемую русскую национальную составляющую («Русский характер» А.Н. Толстого, «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» К.М. Симонова и др.), что и позволило Леонову назвать свой роман «Русский лес» (а не, скажем, советский).

Кроме того, в годы «ждановщины» (1946–1949) «соцреализм открыто заявлял о своей склонности к красоте», которая понималась «прежде всего как “простота” и “доступность”, и высшим ее образцом соцреалистическая культура полагала классику» [Добренко: 421]; преэстетичность по отношению к русской классике стала приветствоваться [см.: Геллер: 436]. Также для послевоенного соцреализма характерно утверждение *прекрасного* как «нашей советской действительности», как «нашего победоносного движения к коммунизму» [Ермилов 1948]. «Прекрасное – стержневая категория ждановской эстетики» [Геллер: 443], которая была возведена «в ранг высшей ценности» [Добренко: 422–423].

Большая часть этих черт прослеживается в интересующих нас произведениях Паустовского и Леонова, в первую очередь – *коммунистическая идейность* и *исторический оптимизм*. Так, у обоих писателей резко осуждается буржуазное хищничество по отношению к лесам и утверждается бережное социалистическое хозяйствование. Неизменно тверда вера в победу СССР над капиталистической Германией: в самые голодные месяцы ленинградской блокады профессор Багалеи из «Повести о лесах» самоотверженно сохраняет семенной фонд быстрорастущих растений – пихты, конского каштана, серебристой ели, ивы, канадского тополя и др. – для будущих послевоенных русских лесов и полей; в страшное время фашистского наступления на Москву, 1 сентября 1941 г., Иван Вихров из «Русского леса» призывает студентов Лесотехнического института к сбережению «зеленого друга» на века, для последующих советских поколений: «Мечта для строителя людского счастья такой же действенный инструмент, как знание или идея <...>» [Леонов: 280].

Неудивительно и то, что именно во второй половине 1940-х гг. Паустовский, наряду с показом

передового социалистического лесопользования в «Повести о лесах», отдает дань романтической обращенности к *прекрасному* в человеческой жизни. При этом романтизм Паустовского лишен как трансцендентности, присущей этому течению в XIX – начале XX в., так и байронических черт, в частности противопоставления героя и толпы, в чем сказался социалистический демократизм писателя. В «Повести о лесах» способностью остро чувствовать *прекрасное* обладают совсем простые люди – крестьянская девочка Феня и лесник Василий. Выдающиеся же художники и ученые – композитор Чайковский, писатель Леонтьев, профессор Багалеи – глубоко ощущают связь с породившей их *народной* почвой.

Особенности творческого метода Леонова в «Русском лесу» также связаны с новыми для соцреализма понятиями – национальным *патриотизмом* во время Великой Отечественной войны, глубинной фольклорно-мифологической *народностью* (легенда о хранителе леса Калине и т. п.), нравственной *красотой* советского человека (в первую очередь, выросшей в СССР героической молодежи: Вари Чернецовой, Поли и Сергея Вихровых, Родиона).

Прежде чем подробно говорить об *усадебном топосе* в «Повести о лесах» и «Русском лесу», вспомним важный для нас тезис Д.С. Лихачева о семантике леса в древнерусской культуре. Он пишет, что в XIV–XV вв. на Руси «под влиянием идей исихазма² получило распространение стремление к отшельничеству, скитническому монашеству и стали распространяться монастыри вдали от мирской суеты среди дикой природы <...>. Из житий основателей монастырей этого времени известно, какое большое значение придавалось выбору красивого места будущего монастыря – в лесу, на берегу озера или реки, среди холмов и т. д. Мир природы – это мир святости, уход из “человеческого мира” – это прежде всего уход от греха в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы. <...> Рай – это окружающая, не измененная греховным человеком природа. Святой и праведник должны жить среди праведной же природы» [Лихачев: 60–61]. Таким образом, наметившийся в творчестве Чехова и актуальный для всего XX в. поворот в понимании леса (из топоса угрозы, дикости, хаоса в топос спасения и духовного обновления) стал, по сути дела, возвратом к семиотике леса в культуре Древней Руси. Важно и то, что «сраем в Древней Руси ассоциировались не только монастырские сады, но и загородные местожительства князей» [Лихачев: 62], прообразы будущих дворянских усадеб XVII – начала XX в.

В то же время символика *рая на земле*, восходящая к библейскому Эдему, присуща и эстетическому идеалу соцреализма – образу коммунистического будущего, черты которого ощутимы уже в социали-

стическом настоящем. Анализируя роль фольклора в литературе соцреализма, У. Юстус отмечает, что в послевоенный период (когда и были написаны интересующие нас произведения Паустовского и Леонова) «классово-социологическое понимание литературы заменяется “народным”» [Юстус: 71], фольклорно-мифологическим, как бы «превращающим страну в рай», возвращающим ее «к состоянию райской изначальности» [Юстус: 78]. Вспомним, что, по учению исторического материализма о смене общественно-экономических формаций, коммунизм является усовершенствованной в социально-экономическом и техническом плане калькой бесклассового первобытно-общинного строя [см.: Исторический материализм: 36, 125, 209–210], как раз и породившего мифологическую основу фольклора. Не случайно фольклорность и *народность* так ярко представлены и в «Повести о лесах», и в «Русском лесу». Неудивительно, что в позднем соцреализме «очарование фольклорных текстов превратило <...> Советский Союз – в созданный <...> рай» [Юстус: 79].

«Повесть о лесах» Паустовского буквально пронизана усадебной аксиологией: действие этого произведения начинается еще в конце XIX в., когда в лесной усадьбе в центре России великий композитор П.И. Чайковский творит гениальную музыку, вдохновленную шумом ветра и пением птиц в вершинах соснового бора, журчаньем воды в близлежащем лесном озере, запахом цветов и земляники в травянистом подлеске, а также неразрывными с ними мелодиями простых народных песен...; он дарит крестьянской девочке Фене драгоценные сережки в память об алмазном солнечном блеске в каплях дождя «на кончиках маленьких ушей» [Паустовский: 7]; в конце повести, по прошествии нескольких десятилетий, любовно сохраненные самой выросшей Феней, ее дочерью и писателем-лесоводом Леонтьевым «старые серьги» переходят к духовной наследнице «усадебных» авторов Пушкина, Чехова и Чайковского девушке Анфисе, которая так же увлечена «эстетическим значением» [Паустовский: 70] лесов и предана их «тайственной сени» [Пушкин: 80].

Советский писатель выступает против характерного для буржуазной цивилизации отношения к природе как к объекту воздействия, который надо «покорять» и «завоевывать». «Любование, созерцание, единство, разумное сотрудничество <...> – такова модель взаимоотношений человека и природы у зрелого Паустовского» [Мантрова: 91]. Например, музыка Чайковского в первой части «Повести о лесах» под названием «Скрипучие половицы» – прямое порождение и продолжение прекрасного соснового леса, окружающего деревянный дом композитора, где он творит свои шедевры под шум и шорох шевелящихся на ветру крон. Гибель бора под топорами плотников, нанятых без-

душным дельцом Трощенко, означает для Чайковского угрозу его музыке, убыль его вдохновения, победу пошлости и мертвечины в мире.

Усадьба под пером Паустовского представлена одновременно локусом высокого искусства и органической частью природы. Объединяющая оба эти начала, очищенная в советские годы от социальных противостояний, усадьба в «Повести о лесах» становится идеалом человеческого жизнеустройства, высшим выражением *прекрасного*. Таковы, например, концерты, которые раз в месяц устраивают там в память о Чайковском старые музыканты, всегда приглашая на них Аграфену, а также ее дочь Марию Трофимовну во время пребывания последней в родном селе.

Как выразитель романтического художественно-стилевого течения в литературе соцреализма (наряду с А.С. Грином, Э.Г. Багрицким, М.А. Светловым, Вс.В. Вишневским, Н.А. Тихоновым, А.П. Гайдаром и мн. др.), Паустовский обращался к концепции романтического двоемирия, однако в редуцированной форме, без выхода в трансцендентность. В «Повести о лесах» мы видим резкую, непримиримую противопоставленность светлого идеального начала и темных, как бы демонических сил в гротесковой форме. Таковы оппозиции дореволюционной творческой усадьбы и лесопромышленника-хищника, советской усадьбы и фашистских оккупантов. Причем вместе с войной в усадьбу вновь приходит угроза для русского леса: если в первой части произведения «вторжение буржуазного расчета в жизнь старинных родовых имений показано Паустовским» [Борисова: 96] как гибель прекрасного бора ради наживы харьковского купца Трощенко, то в 1941–1942 гг. вместе с завоевателями из капиталистической Германии в русскую усадьбу «снова пришел циничный буржуазный расчет», теперь уже «работающий на фашистскую военную машину» [Борисова: 99–100]. С целью производства ацетона и метилового спирта для «всяких взрывчатых штук» лесопромышленник Бальцен из Берлина готов уничтожить русские леса «до последнего дерева» [Паустовский: 113], им уже сведены 10 миллионов гектар на оккупированных советских территориях. Только социализм, по художественной мысли Паустовского, способен сберечь русский лес – «самый ясный образчик <...> совершенства» [Паустовский: 45], защищающий страну от вражеских нашествий, поддерживающий полноводность рек и плодородность почв, дающий тепло в зимнюю стужу и прохладу в летний зной, дарящий человеку естественную красоту и творческое вдохновение.

Помимо превращения лесной владельческой усадьбы в социалистическое общественное достояние, в «Повести о лесах» также представлено создание *городов-садов* как важной модификации *усадебного топоса* в СССР: молодой лесовод Коля Евсеев

под руководством ленинградского профессора Багалея трудится над проектами парков и лесных поясов вокруг советских городов. При этом подчеркивается их преемственность по отношению к забытому «благогородству садового искусства» в старых усадебных парках Царского Села, Гатчины и Павловска [см.: Паустовский: 97]. «Совершенную гармонию» [Паустовский: 104] садов, архитектуры и литературы видят молодые герои советской эпохи – Коля и Анфиса, – гуляя по аллеям дворцового комплекса в Пушкине (Царском Селе). Так, на правах *прекрасного*, классическая русская усадьба входит в эстетику послевоенного соцреализма.

Еще одним модусом советской усадьбы в «Повести о лесах» становится лесничество Баулина, расположенное в центральной России, на берегах Оки, с уединенными кордонами, где живут ученые, лаборанты, объездчики, рабочие. В домиках на кордонах, как когда-то в старинных усадьбах, ведутся философские беседы, читаются стихи, завязываются любовные отношения, рождается энергия творчества, воспитывается тонкое эстетическое чувство [см.: Паустовский: 68–71]. Для советского писателя Леонтьева лесная сторожка на кордоне, как дореволюционная лесная усадьба для Чайковского, становится местом счастливых вдохновений, радостного написания «главной» книги [Паустовский: 78]. Здесь, среди стройных высоких сосен, между ним и лаборанткой Марией Трофимовной, дочерью выросшей Фени, растет и крепнет одухотворенная любовь, освященная русским фольклором (сказками лесника Евтея) и прекрасной поэзией Лермонтова. Уже после Великой Отечественной войны с ее трагедиями: смертью любимой женщины и разорением русских лесов фашистами – Леонтьев вновь приезжает в лесничество, теперь уже Брянское, участвует в большой восстановительной работе. Через 20 лет здесь будет «рай сущий», думает герой: может быть, «золотой век уже рядом» [см.: Паустовский: 157, 161]. Эти характерные для классического русского поместья сравнения³ с очевидностью указывают на то, что изображенные в «Повести о лесах» советские лесничества являются субститутами культурных русских усадеб XIX – начала XX в. Не случайно в этом произведении важную идейно-композиционную роль играет чеховская пьеса «Дядя Ваня», в постановке которой в одном из московских театров участвует Анфиса, а актер на роль доктора Астрова гостит в Брянском лесничестве. Таким образом, «Повесть о лесах» имеет кольцевую композицию, начинаясь и завершаясь «усадебными» главами: о дореволюционном «культурном гнезде» Чайковского в начале, о послевоенном социалистическом лесничестве – в конце.

В романе Леонова «Русский лес» усадебная топика также играет определяющую роль. Здесь присут-

ствуют старинное барское имение и его советский коллективный аналог, т. е. показана сложная взаимозависимость между усадьбой Сапегино и Пашутинским лесничеством, откуда начинаются судьбы главных героев произведения, членов семьи Вихровых. «"Русский лес" – философский роман, тяготеющий к условности; его сюжет подчинен развитию философской мысли, в основании которой лежат мифотворчество, символика, широкие отступления и исторические реминисценции» [Петешева: 93]. Запоминается образ барской усадьбы, в которой выросла жена Вихрова Елена, чье «дворянское происхождение» сказалось на всей ее дальнейшей жизни: сначала она обещала Вихрову – крестьянскому сыну, впоследствии выдающемуся ученому-лесоводу – быть ему «хорошей женой» [Леонов: 244], но вскоре с малолетней дочерью Полей сбежала от мужа, пытаясь забыть прошлое и как бы искупая «грехи предков» [см.: Леонов: 220–221]. Тем не менее однолюб Вихров верил, что их судьбы вновь соединятся.

Вспомним, что, по мысли Д.С. Лихачева, символика *рая* традиционно объединяет на Руси лес, сад и сельскую усадьбу. Это отразилось в романе Леонова – само название «Русский лес» указывает на его фольклорный, народно-исторический и даже народно-православный субстрат, несмотря на декларированный атеизм главного лесовода романа Ивана Матвеевича Вихрова. В его уста вложен гимн русскому лесу – «зеленому другу», питателю народа, хранителю в течение многих веков русской земли и русской воды (рек, ручьев, озер), т. е. плодородия, источнику древесины для жилищ, защитнику от вражеских нашествий (засеки и завалы) вплоть до Великой Отечественной войны, во время которой происходит основное действие романа [см.: Леонов: 249–281]. Именно лес у Леонова становится главным субститутотом *рая на земле*, а также неотделимая от русского леса трудовая, коллективная, демократическая и – в ногу со временем – научная усадьба Пашутинское лесничество. И если вспомнить, что конечная цель коммунизма, который строят на страницах этого романа советские люди, в том числе лесовод Иван Вихров и все насельники лесничества, – рукотворный *рай на земле*, то новая лесная усадьба, сохраняя традиционные *райские* коннотации, органично входит, по художественной логике Леонова, в светлое коммунистическое будущее.

Однако этим усадебная тематика в «Русском лесе» далеко не исчерпывается. Здесь насчитываются по меньшей мере три модификации *усадебного топика*. О главной, которая утверждается в произведении, соответствует целям социалистического строительства, лишена следов барства и при этом вписывается в тысячелетнюю традицию русской культуры, мы уже сказали. Это лесническая усадьба Пашутино с жи-

лым домом (где кабинет со старым кожаным диваном, столовая, спальни и т. д.), больницей, лабораторией, библиотекой и прочими усадьбыными атрибутами. Приехавшие к Вихрову в начале 1920-х гг. друзья так и отзываются о его житье: «Ты здесь, Иван, ровно болярин в древней вотчине устроился!» [Леонов: 23], что прямо указывает на древнерусские коннотации образа леса в романе Леонова. А в сцене отъезда талантливого специалиста в Москву Пашутинское лесничество буквально так и называется – «покидаемой усадьбой» [Леонов: 244]. И хотя возникло оно еще до революции, это, по мнению автора, то преобразованное в социализме наследие прошлого, которое необходимо взять с собой в будущее. В подкрепление Леонов приводит соответствующую цитату из выступления В.И. Ленина на Третьем съезде комсомола: «... мы можем строить коммунизм только при том запасе сил и средств, что остались нам от старого общества» [цит. по: Леонов: 354]. Хотя и произнесенные в другом контексте – культурного воспитания юного Сергея Вихрова, – эти слова очевидно имеют в романе обобщающее значение. Замечательно, что заканчивается произведение именно в Пашутинском лесничестве, где после героически пройденных испытаний происходит счастливое воссоединение всей большой семьи Вихровых: Ивана Матвеевича и Елены Ивановны, их дочери Поли и ее жениха Родиона, приемного сына Ивана Матвеевича Сергея и – в перспективе – сестры старшего Вихрова Таисии. Советская усадьба, как когда-то классическая, становится локусом многопоколенной семьи, объединенной общим идеалом, теперь коммунистическим.

Наряду с этим, в романе присутствует и усадьба старого типа – барская, дворянская усадьба Сапегиных с лиственничными аллеями в парке, прудом, белым домом с колоннами, гостеприимной террасой для чаепитий... Там выросла одна из главных героинь Елена Ивановна, будущая жена Ивана Вихрова. Хозяйка усадьбы – вдова ученого-византиста Сапегина, немка из Померании, чуждая России и ее народу, не знающая русской культуры, не понимающая русской духовности. В начале XX в., времени юности Ивана Вихрова и компаньонки старой барыни Леночки, усадьба приходит в упадок: «зимами жизнь теплилась в уцелевшем крыле дома, где не так дуло из подполья и меньше промерзали углы» [Леонов: 188], летом всюду торчал бурьян, сарай стоял без кровли и в заброшенной сапегинской библиотеке протекала крыша – бесценные старинные манускрипты были безнадежно испорчены [см.: Леонов: 192–193]. Свое пошатнувшееся материальное благополучие старая помещица стремится укрепить с помощью продажи лесных угодий. Она отдает русский лес – вместилище древней духовности, русское национальное сокровище – на разграбление бессовестным дельцам-капи-

талистам, озабоченным лишь сиюминутной наживой. Барыня находится во враждебных отношениях с окружающими крестьянами, которые в конце концов разоряют и дотла сжигают ее усадьбу.

Характерна следующая деталь: в усадьбной библиотеке дворян Сапегиных – только иностранные книги и переводные романы, «сочинения *из жизни мух*», по выражению Елены Ивановны [см.: Леонов: 303], – в то время как лесовод из крестьян Иван Вихров читает в основном русскую классику с ее масштабными смыслами. Сапегинская усадьба, по Леонову, совсем не является русским культурным гнездом, из гостей там – лишь хищные буржуазные дельцы Кнышев и Золотухин, занятые варварскими вырубками векового русского леса ради личной выгоды. Молодые барчуки Сапегины, наезжавшие в усадьбу на летние каникулы, – люди мелкие, поверхностные, чуждые национальным идеалам и тоже озабоченные исключительно личными интересами. После революции они оказываются в Белой армии, затем в эмиграции. Таким образом, барская усадьба послепетровской эпохи, XVIII – начала XX в., показана в романе Леонова как явление, чуждое русскому народу, русской культуре и русской духовности. Более того – враждебное им (в плане уничтожения русского леса). На этом фоне характерна судьба воспитанницы Сапегиных Леночки, которую жизнь в такой усадьбе психологически изуродовала. Постоянные чувства социальной вины и страха перед народным возмездием, укоренившиеся в душе Елены Ивановны, чудом спасшейся от погрома и пожара в усадьбе в годы Гражданской войны, разрушили личную жизнь ее мужа Ивана Вихрова и отравили детство и юность их дочери Поли. В романе прослежен долгий путь душевного выздоровления матери и дочери.

Возможно, что столь подчеркнутое в «Русском лесе» осуждение европеизированной послепетровской дворянской усадьбы в России и одновременное обращение к древнерусским традициям – реакция Леонова на кампанию «борьбы с “антинародным низкопоклонством перед загнивающим Западом” и с “безродным космополитизмом”» [Гюнтер 2000b: 385] в СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг. Приглушенность подобных обертонов в «Повести о лесах» Паустовского можно объяснить более ранней датой ее написания.

Третья модификация *усадьбного топоса* в «Русском лесе» – изображение зданий, территории и атмосферы Лесохозяйственного института в Москве 1920–1930-х гг. Это собирательный образ, частично восходящий к Тимирязевской сельскохозяйственной академии (до революции Петровской земледельческой, с 1865 г. расположившейся в старинной усадьбе XVII–XIX вв. Петровско-Разумовское и в начале XX в. вошедшей в состав Москвы). Как литератур-

ный феномен она связана с именами Г.Р. Державина, Ф.М. Достоевского, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, В.Я. Брюсова, М.М. Пришвина, А.В. Чаянова и др., а в советское время – В.П. Катаева, Д.Б. Кедрина, И.Г. Эренбурга, Л.М. Леонова и др. Расцвет усадьбы пришелся на вторую половину XVIII в., когда ее владельцем стал просвещенный граф К.Г. Разумовский, более полувека бывший президентом Петербургской академии наук: «Крестьяне-малороссы копали пруды; парк <...> расширялся и украшался статуями, гротами и миловидами. Воздвигались оранжереи, в которых устраивались <...> гулянья с музыкой и пением. Ординарцы, толпы егерей, гайдуков, гусаров, скороходов, карликов и бесчисленных слуг наполняли собой усадьбу. Гремел оркестр, и не было числа иллюминациям, фейерверкам, празднествам, балам и пикникам, а в доме ставились театральные представления <...>» [Чаянов: 45].

Отметим, что в 1812 г. усадьба была разграблена французскими войсками, а окружавший ее лесопарк порублен, но в короткие сроки восстановлен сыном академика Л.К. Разумовским. Затем снова вырублен новым владельцем, а территория приспособлена под дачи [см.: Черкашина: 122–123]. Думается, не случайно именно в актовом зале института, «где когда-то гремели мазурки екатерининского вельможи» [Леонов: 373], советский лесовод Иван Вихров одерживает решающую победу в борьбе за судьбу русского леса, тесно связанную с отечественной историей и духовностью. Трагической осенью 1941 г. в одной из институтских аудиторий он читает студентам пламенную лекцию о судьбе «зеленого друга»: так, в течение веков именно лес создавал национальный характер, «свою» цивилизацию и предоставлял ей «полный <...> пансион» – «кормил, грел, одевал нас, русских» [Леонов: 251–252, 280]. Однако в конце XVIII в. немка Екатерина II передала русские леса без обязанности по охране и уходу за ними в опеку помещикам. Весь XIX в. множились лесовладельцы, леса отдавались ими в концессию иностранцам, что влекло за собой варварские вырубки. А после крестьянской реформы 1861 г. вплоть до революции 1917 г. помещики усиленно распродавали леса для поддержания своих разорявшихся хозяйств. Шла «валка векового дерева», «убийство зеленого друга» [Леонов: 261]. Разгонявшийся «капиталистический прогресс» стал настоящим «разбоем насмерть», «лесным погромом» [Леонов: 261–262]. Бессовестные торгаши скупали у дворян «владенные грамоты» [Леонов: 262] и безжалостно рубили вековые леса. Заметим, что именно эти действия изображены в «Повести о лесах» Паустовского (делец Троценко) и «Русском лесе» Леонова (лесопромышленники Кнышев и Золотухин, склонявшие к продажам помещицу Сапегину). Только социализм с его всена-

родной собственностью на лес смог возродить «человеческую ответственность перед живым, зеленым и незащищенным существом», которое «входит в понятие Отечества» [Леонов: 277, 280]. Отечеством, по логике писателя, является и бывшая графская усадьба, ставшая при советской власти храмом лесоводческой науки.

Итак, в романе Леонова отрицательные и положительные коннотации классической русской усадьбы XVIII – начала XX в. разведены по разным локусам: в образе поместья Сапегиных полностью отрицается какая-либо его положительная роль, что акцентирует солидарность Леонова с теми авторами-классиками, которые резко критиковали социально-психологический климат в помещичьих гнездах (Н.В. Гоголем, Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Н.С. Лесковым и др.). Однако присутствующий в «Русском лесе» локус Петровско-Разумовского, напротив, примиряет читателя с традицией, поэтизированной русскую усадьбу как тоpos красоты, высокой культуры, творческого вдохновения и горячего патриотизма, связанной с именами А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и др. В то же время положительная усадебная топика соцреализма соприкасается у Леонова с допетровским представлением о *рае на земле* и семиотической древнерусской усадьбы. И это не удивляет, если вспомнить, что ценностная координата соцреализма – «социалистический гуманизм» – преемственно связана с христианским гуманизмом всей предшествующей русской литературы [см.: Круглов, Святославский: 157, 160].

В заключение отметим, что в литературе послевоенного соцреализма, во всей полноте сохранившей коммунистическую идейность, исторический оптимизм и воспитательную функцию как свои ключевые признаки, усадебный тоpos занимает весьма заметное место, в первую очередь благодаря возрождению в СССР понятий об исторической *народности* и русском национальном *патриотизме*, а также возросшей ориентации на классику XIX в. и выдвижению на первый план эстетической категории *прекрасного*. Связь между усадьбой, лесом и литературой соцреализма обусловлена, на наш взгляд, концептом *рая на земле*, имеющим, помимо религиозной семантики, широкие культурные коннотации: во-первых, *раем* в литературной классике XIX – начала XX в. обычно называлась традиционная русская владельческая усадьба; во-вторых, в древнерусском сознании *раем* считался девственный лес как нетронутая человеком божественная природа; наконец, в СССР *раем на земле* виделся коммунистический идеал, к которому стремились в своей деятельности советские люди. Таким образом, в литературе соцреализма 1940–1950-х гг. в целом сохраняется архетипический статус русской

усадьбы как идеального жизнеустройства и национального феномена.

Примечания

¹ Ср.: «Наше искусство должно встать выше действительности и возвысить человека над ней, не отрывая его от нее» [Горький: 420].

² Исихазм — древняя духовная традиция византийского и русского православного христианства, в XVI–XVIII вв. ушедшая в подпочву русской церковной жизни в результате вытеснения иосифлянством и идей «симфонии» Священства и Царства; основные характеристики: отшельничество, молчаливость, нестяжание, «обожение» человека посредством особой «умной молитвы»; основные представители в России: свв. Сергей Радонежский, Нил Сорский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Игнатий Брянчанинов, Амвросий Оптинский и мн. др. Подробнее см.: [Хоружий 2000].

³ См., напр.: [Дмитриева, Купцова: 150–151].

Список литературы

Источники

Горький А.М. О пьесах: статья // Горький А.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1955. Т. 26. С. 409–426.

Леонов Л.М. Русский лес: роман. М.: Молодая гвардия, 1954. 656 с.

Леса России // Лес России: энциклопедия / под общей ред. А.И. Уткина и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 206–218.

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. Милан: Г. Фелтринелли, 1958. 634 с.

Паустовский К.Г. Повесть о лесах // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 3. С. 5–162.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979. Т. 5. С. 8–185.

Чехов А.П. Дядя Ваня: сцены из деревенской жизни в четырех действиях // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974–1988. Т. 13. С. 61–116.

Исследования

Богатырев Д.К., Святославский А.В. Мифология и поэтика социалистического реализма // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 250–272.

Богданова О.А. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83, № 5. С. 53–63.

Богданова О.А. Усадьба и война в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского // «Они сражались за Родину».

Литература и история: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2025. В печати.

Борисова Д.М. Прошлое и настоящее русской усадьбы в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 88–103.

Геллер Л.М. Эстетические категории и их место в соцреализме ждановской эпохи // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 434–448.

Гюнтер, Ханс. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000а. С. 41–48.

Гюнтер, Ханс. Тоталитарная народность и ее истоки // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000b. С. 377–389.

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 524 с.

Добренко Е.А. Функции и категории соцреалистической критики. Поздний сталинизм // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 390–433.

Ермилов В.В. За боевую теорию литературы // Литературная газета. 1948. 15 октября.

Исторический материализм / под общей ред. Ф.В. Константинова. М.: ГИПЛ, 1951. 748 с.

Кнорре Е.Ю. «В глубину торжественных и тихих лесов»: лес как пространство спасения в послевоенном творчестве М.М. Пришвина и К.Г. Паустовского // Русская словесность. 2023а. № 3. С. 63–75.

Кнорре Е.Ю. «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина // Вопросы философии. 2023b. № 11. С. 16–22.

Круглов Р.Г., Святославский А.В. Литература соцреализма: опыт осмысления терминологических границ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 1. С. 153–162.

Литовская М. Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14–21.

Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Изд. 3-е. М.: Согласие: Новости, 1998. 469 с.

Мантрова С.А. Мотив сотворчества человека и природы в «повести о лесах» К.Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научных трудов. Вып. 1 / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: МАКС Пресс, 2023. С. 91–98.

Петишева В.А. Человек и природа в оценке Л.М. Леонова (историко-философский контекст «Русского леса») // Вестник Челябинского университета. 2007. № 8. С. 88–93.

Ревакина А.А. «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия // Россия и современный мир. 2002. № 4 (37). С. 102–114.

Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж: Синтаксис, 1988. 64 с.

Хоружий С.С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 207–260.

Чаянов А.В. Избранное. Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Тончу, 2008. 463 с.

Черкашина М.В. Усадьба Петровско-Разумовское в российской истории и литературе XIX–XX вв. // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 115–127.

Юстус, Урсула. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон: сб. статей / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 70–86.

References

Bogatyrev D.K., Svyatoslavskii A.V. *Mifologiya i poetika socialisticheskogo realizma* [Mythology and Poetics of Socialist Realism]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2024, vol. 22, no. 1, pp. 250–272. (In Russ.)

Bogdanova O.A. “*My rozhdeny, chtob skazku sdelat' byl'yu...*”: *usadbenyj mir v romane G.Sh. Yakhinoy “Deti moi”* [“We Were Born to Make a Fairy Tale Come True...”: the Estate World in G.S. Yakhina’s Novel “Children of Mine”]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], 2024, vol. 83, no. 5, pp. 53–63. (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Usad'ba i vojna v “Povesti o lesh” K.G. Paustovskogo* [Estate and War in the “Tale of the Forests” by K.G. Paustovsky]. “*Oni srazhalis' za Rodinu*”. *Literatura i istoriya: kollektivnaya monografiya* [“They Fought for their Homeland”. Literature and History: a Collective Monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, in print. (In Russ.)

Borisova D.M. *Proshloe i nastoyashchee russkoi usad'by v “Povesti o lesh” K.G. Paustovskogo* [The Past and Present of the Russian Estate in the “Tale of the Forests” by K.G. Paustovsky]. *Usad'ba i dacha v literature sovetской epohi: poteri i obreteniya: kollektivnaya mono-*

grafiya [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: a Collective Monograph], comp. by O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 88–103. (In Russ.)

Geller L.M. *Esteticheskie kategorii i ih mesto v socrealizme zhdanovskoj epohi* [Aesthetic categories and their place in the Socialist Realism of the Zhdanov era]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 434–448. (In Russ.)

Gyunter, Hans. *Socrealizm i utopicheskoe myshlenie* [Socialist Realism and Utopian Thinking]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000a, pp. 41–48. (In Russ.)

Gyunter, Hans. *Totalitarnaya narodnost' i ee istoki* [Totalitarian Nationality and its Origins]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000b, pp. 377–389. (In Russ.)

Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. *Zhizn' usadbenogo mifa: utrachennyj i obretennyj raj* [The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found], ed. 2. Moscow, OGI Publ., 2008. 524 p. (In Russ.)

Dobrenko E.A. *Funkcii i kategorii socrealisticheskoi kritiki. Pozdnij stalinizm* [Functions and Categories of Socialist Realism Criticism. Late Stalinism]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 390–433. (In Russ.)

Ermilov V.V. *Za boevuyu teoriyu literatury* [For the Combat Theory of Literature]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1948, October 15. (In Russ.)

Istoricheskij materializm [Historical materialism], ed. by F.V. Konstantinov. Moscow, GIPL Publ., 1951. 748 p. (In Russ.)

Knorre E.Yu. “*V glubinu torzhestvennyh i tihih lesov*”: *les kak prostranstvo spaseniya v poslevoennom tvorchestve M.M. Prishvina i K.G. Paustovskogo* [“Into the Depths of Solemn and Quiet Forests”: the Forest as a Space of Salvation in the Post-war Works of M.M. Prishvin and K.G. Paustovsky]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 2023a, no. 3, pp. 63–75. (In Russ.)

Knorre E.Yu. “*Ushedshij v Les*” v poiskah “*kladovoj solnce*”: *filosofiya spaseniya Mihaila Prishvina* [“Gone into Forest” in Search of the “Storeroom of the Sun”: Mikhail Prishvin's Philosophy of Salvation]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2023b, no. 11, pp. 16–22. (In Russ.)

Kruglov R.G., Svyatoslavskij A.V. *Literatura socrealizma: opyt osmysleniya terminologicheskikh granic* [Li-

terature of Socialist Realism: the Experience of Understanding Terminological Boundaries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2025, vol. 18, issue 1, pp. 153–162. (In Russ.)

Litovskaya M. *Socialisticheskij realizm v literature XX veka* [Socialist Realism in 20th Century Literature]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2008, no. 19, pp. 14–21. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Poeziya sadov. K semantike sadovoparkovyh stilej. Sad kak tekst* [Poetry of Gardens. Towards the Semantics of Landscape Gardening Styles. Garden as a Text], ed. 3. Moscow, Soglasie: Novosti Publ., 1998. 469 p. (In Russ.)

Mantrova S.A. *Motiv sotvorchestva cheloveka i prirody v "povesti o lesh" K.G. Paustovskogo* [The Motif of the Co-creation of Man and Nature in K.G. Paustovsky's the "Tale of Forests"]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: sb. nauchnyh trudov* [Konstantin Paustovsky's Creative Legacy in the 21st Century: Collection of Scientific Papers], issue 1, ed. by M.V. Skorohodov. Moscow, MAKSS Press Publ., 2023, pp. 91–98. (In Russ.)

Petisheva V.A. *Chelovek i priroda v ocenke L.M. Leonova (istoriko-filosofskij kontekst "Russkogo lesa")* [Man and Nature in the Assessment of L.M. Leonov (Historical and Philosophical Context of the "Russian Forest")]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk University], 2007, no. 8, pp. 88–93. (In Russ.)

Revyakina A.A. *"Socialisticheskij realizm": k istorii termina i ponyatiya* [Socialist Realism: towards the History of the Term and Concept]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2002, no. 4 (37), pp. 102–114. (In Russ.)

Socrealisticheskij kanon: sb. statej [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by

H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000. 1040 p. (In Russ.)

Terc, Abram. *Chto takoe socialisticheskij realizm* [What is socialist realism?]. Parizh, Sintaksis Publ., 1988. 64 p. (In Russ.)

Horuzhij S.S. *Isihazm v Vizantii i Rossii: istoricheskie svyazi, antropologicheskie problemy* [Hesychasm in Byzantium and Russia: Historical Connections, Anthropological Problems]. *Horuzhij S.S. O starom i novom* [About the old and the new]. Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, pp. 207–260. (In Russ.)

Chayanov A.V. *Izbrannoe. Stat'i o Moskve. Pis'ma (1909–1936)* [Favourites. Articles about Moscow. Letters (1909–1936)]. Moscow, Tonchu Publ., 2008. 463 p. (In Russ.)

Cherkashina M.V. *Usad'ba Petrovsko-Razumovskoe v rossijskoj istorii i literature XIX–XX vv.* [Petrovsko-Razumovskoye Estate in Russian History and Literature of the 19th–20th Centuries]. *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: kollektivnaya monografiya* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: a Collective Monograph], ed. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., pp. 115–127. (In Russ.)

Yustus, Ursula. *Vozvrashchenie v raj: socrealizm i fol'klor* [Return to Paradise: Social Realism and Folklore]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 70–86. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.